

Незакрытый счет

НОВАЯ ЭКРАНИЗАЦИЯ «ВОЗВРАЩЕНИЯ В БРАЙДСХЕД»
комментирует МИХАИЛ ТРОФИМЕНКОВ

НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД прозу Ивлиана Во (1903–1966) некиногеничной не назовешь. Чтобы экранизировать «Процесс» Франца Кафки, надо было быть конгениальным ему Орсоном Уэллсом, а «Дублинцев» Джеймса Джойса — Джоном Хьюстоном. А с одним из лучших английских романов «Возвращением в Брайдсхед» (1945) вполне справится набивший руку на телевидении Джулиан Джарролд.

Герои совершают простые и яркие поступки. Да еще и обстоятельно комментируют все, что делают. Да еще и эксцентричны, а то и безумны. Да еще все это происходит в джазовые 1920-е, на аристократическом пиру во время чумы, когда «богатство лишилось великолетия, и сила — достоинства».

Декорто и стал первой западной, в которую блистательно угодили режиссер. Все его силы ушли на реконструкцию эпохи: прически и патефоны, паровозы и автомобили, в зеркальце заднего вида которых так эффектно вписывается девичье лицо. Короче говоря, на экране — ретро, а проза Во — все что угодно, только не ретро. Ретро максимально, снисходительно отстранено от времени действия. Во никогда не отстранялся от своей юности, его устами время, пусть и повзрослевшее, говорило о самом себе.

Да, герои — мальчишки, но Во видит их издали, и потому они значительно во всех своих глупостях. А на экране — мальчишки, чьи глупости вызывают лишь неловкость. Песнь о бессмысленной и светоносной жизни Себастьяна Флайта (Бен Уишоу) превратилась в агитку о том, как от безделья спился мальчик из хорошей семьи.

«Возвращение» — сумма, итог страстей и разочарований Во. Он сводит счеты с юностью, обернувшейся пригоршней праха, и безумно жалеет и ее, и себя, и светских мотыльков, и выживших из ума, портивших им кровь стариков-родителей. Но в фильме чувства Чарльза Райдера (Мэтью Гуд), двойника Во, тоже лишь элементы декора.

Райдера влечет к Себастьяну, в юности самого Во были гомоэротические эпи-

зоды: из школы его выгнали в 1917 году как раз за публикацию новеллы на тему. В фильме влечение материализуется в отороческие поцелуйчики и купания нагишом. Конечно, снято это страсть как красиво, но, честно говоря, лучше бы было грубо, уродливо, взаправду. Католицизм, как диссидентство, вызов, мода, поиск красоты и искупления, прельстил Во: конфликт конфессий — одна из пружин романа. Но и поиски неуловимого режиссер трактует буквально: камера чуть ли не вылизывает все росписи брайдсхедской часовни.

Ну а с политикой, тень которой лежит в романе на самой беззаботной болтовне, Джарролд предпочел вообще не связываться: себе дороже, скользкая материя. Хотя со своими, в 1930-х годах крайне правыми, почти фашистскими убеждениями Во, к моменту написания романа уже офицер-парашютист, успевший повоевать с фашистами на Крите и в Ливии, тоже свел счеты. В отменных сценах всеобщей забастовки, на борьбу с которой организовываются штурмовые отряды золотой молодежи, на страницах, заполненных зловеще нарастающим гулом светского

хора, поющего теперь уже не об адюльтерах и о попойках, а о грядущей войне. Свел счеты, но не отрекся, потому что и это тоже было частью его юности.

Вообще-то говоря, диагноз фильму можно поставить, проанализировав всего один эпизод. Чарльз находит в марокканской больнице опустившегося Себастьяна. Врач сообщает, что, да, организм измучен алкоголем, иммунитет ни к черту, но у Себастьяна просто простуда. Гораздо больше места Во отводит арабу-медбрату, умиляющемуся, что пациент, наострившись добывать коньяк, преобразился: «сердце радуется видеть его таким веселым, он столько дней лежал в пещали». В фильме осталась гневная проповедь врача, и ис-

чез наивный и гораздо больше, чем доктор, понимающий в жизни «бедный олух царя небесного».

Проза Во невысказанно печальна именно потому, что невысказанно остроумна. Страшна, поскольку легкомысленна. Именно в его книгах британский юмор высшей пробы обнажил страх смерти, скрывающийся за парадоксами, острым чувством абсурда, экстравагантностью поведения и презрением к здравому смыслу. Джарролд совершил невозможное: начисто лишил «Возвращение» любого намека на юмор, экранизировал его со звериной серьезностью. То, что из экранизации исчезла клоунская свита, сопровождающая Чарльза и Себастьяна, как шуты — героев Шекспира, еще можно простить. Но никак не простить, что с авансцены фильма он прогнал незабвенного Алоизиуса, плюшевого медвежонка, для которого большой, несчастный мальчик Себастьян покупал дорогие щетки (не чтобы причислять, а чтобы грозить ему, когда медведь плохо себя ведет) и которого берег от сквозняков так заботливо, как не смог сберечь самого себя.

В прокате с 1 октября

